

ИЗ МЕТОДИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Виктор Сергеевич Рутминский — выдающийся российский литературовед. Не менее известен он и как превосходный переводчик, мастер художественного слова. Наряду с воспоминаниями людей, хорошо знавших Виктора Сергеевича, вниманию читателей предлагаются его переводы с польского, а также эссе о дочери Марины Цветаевой.

«Дар тайнослышанья тяжелый...»

УРОКИ ВИКТОРА РУТМИНСКОГО

Из семидесяти пяти лет, которые прожил Виктор Сергеевич Рутминский (1926-2001), лишь за последние десять с небольшим он обрел настоящее признание. Популярность, да что там — слава! — обрушилась на него с такой стремительностью, как будто судьба торопилась сторицей воздать ему за десятилетия тяжелейших испытаний. Еще вчера этого феноменально одаренного человека, поэта, переводчика, блистательного знатока русской литературы и в особенности — поэзии, знали и ценили лишь сравнительно в узком кругу друзей - и вдруг едва ли не в одночасье вокруг него возник настоящий бум. На его лекции о поэзии стекались толпы, на радио, где на протяжении четырех лет ежемесячно звучали его передачи, приходили мешки писем от благодарных слушателей, он был окружен поклонниками и почитателями, в свет выходили его книги, наконец, он был удостоен и официального признания, получив Губернаторскую премию за цикл выступлений и радиопередач о поэзии Серебряного века...

Но истинный масштаб личности Рутминского, его феномен, может быть, еще очевидней становится теперь, спустя три с лишним года после его кончины. Мгновенно разошлись вышедшие уже посмертно книга о поэзии XIX века «Первым был век золотой» и «Польские повести» в его переводе. В Москве выпущен том выдающегося польского поэта Циприана Камиля Норвида, куда наряду с переводами И. Бродского и Д. Самойлова включены и переводы Рутминского. Готовится переиздание монографии о поэзии Серебряного века, звучат на радио новые записи рассказов о поэтах, извлеченные из семейного архива.

Совершенно ясно, что в культурной жизни Екатеринбурга Рутминскому принадлежит свое особое место и его наследие составляет важную часть сегодняшней духовной жизни города. И также ясно, что труды его должны были бы иметь резонанс куда больший, что они вполне заслуживают права встать в один ряд с работами лучших отечественных просветителей. А дар рассказчика, помноженный на исключительную эрудицию и абсолютно самостоятельное видение предмета, вполне мог бы — распорядись жизнь иначе — принести Рутминскому славу Лотмана или Лакшина, оставивших нам свои чудесные просветительские телепередачи.

Просветительский дар вообще сам по себе уникален, наделены им единицы. Достаточно оглянуться на историю культуры последних десятилетий, чтобы в этом убедиться. Виктор Сергеевич обладал им в полной мере. Огромный свод знаний он столь естественно облекал в понятную, простую и увлекательную форму, что его рассказ становился доступным и захватывающим практически для любого человека, имеющего хотя бы минимальную культурную базу.

Особенно очевидным это становилось, когда Рутминский обращался к школьникам. А выступал он перед ними охотно и регулярно, был частым гостем во 2-й и 9-й школах и особенно — в 13-й гимназии (где к тому же еще с 1981 года читал лекции на методобъединениях словесников, а с 1991 — на кафедре словесности). Казалось бы, дети - невероятно трудная аудитория. То, что чтение превратилось для современных учеников в тяжкую повинность, это аксиома. С прозой, хотя бы в усеченном варианте, еще справляются, поэзия же, ассоциирующаяся с мучительной зубрежкой стихов, для ребенка — просто мука мученическая. Причин тому — от общего падения уровня преподавания словесности до глобального пересмотра ценностей в общественном сознании — много, и мы оставим их за скобками.

Но для Рутминского, когда он входил в класс, этого барьера не существовало. Как будто он вообще не брал его в расчет, не искал и какого-то особенного, специального подхода к детям. У Виктора Сергеевича была весьма подкупающая особенность: он никогда не подстраивался под собеседника, всегда оставался самим собой, и при этом был неизменно уважителен и исключительно терпим к другому человеку. А учитывая, что и среди взрослых он почти не встречал равных себе по масштабу, то что уж говорить о детях! Но к детям, как и ко взрослым, он обращался так, как будто они уже были его единомышленниками, как будто ими также владела эта страсть к поэзии, — вот только знали они о ней меньше. Посыл был такой мощный, что не откликнуться ему было невозможно. Слушали его дети как замороженные. И для многих эти лекции становились моментом прозрения, начиная с которого поэзия входила в их сознание как нечто лично необходимое и непреложное. О том, какой след оставили эти встречи в душах детей, можно судить по высказываниям, собранным в спецвыпуске школьной газеты, посвященной памяти Виктора Сергеевича. Вот некоторые из них.

Наталья Дергачева: «Он умел настолько глубоко заинтересовать нас своим рассказом, что время просто переставало существовать. Мне кажется, что Мир становится беднее, когда от нас уходят такие люди. Ничто не заменит его».

- «Во время незабываемых лекций Виктора Сергеевича слушатели утопали в мелодике его повествования.

Так сочетать слова, так ткать из них цельное, неразрывное полотно умел только он. Виктор Сергеевич навсегда останется с нами как волшебник слова и жрец поэзии.

- «Виктор Сергеевич Рутминский — это человек, продолжающий жить в нас духовно. Его знания останутся с нами, его книги помогут нам прочувствовать то, что многие не знают и не узнали бы без него никогда».

- «Слушая его выступления, записанные на кассетах, пытаюсь представить этого человека сидящим с нами в классе, и от одной мысли о его присутствии снова становится тепло на душе».

Наталья Дерябина, в то время ученица 10-го класса, посвятила Рутминскому реферат, удостоенный премии Главы администрации города. Там есть такие строки: «... кажется мне, что «серебряный век» словно делегировал к нам Виктора Сергеевича Рутминского. Словно он был его ГОЛОСОМ... Словно — они так мало были поняты, что им наконец действительно стало это важным».

Любой непредвзятый читатель увидит: в этих отзывах — ни грамма формальности, в них дышит искреннее чувство, в них настоящая боль. Но, может быть, еще важнее, что слова эти обращены в будущее: дети продолжают слушать записи, читать книги Рутминского, а это значит, что большая поэзия уже вошла в их жизнь.

Для Виктора Сергеевича, будь он жив, это было бы высшей наградой. При всей кажущейся легкости, с какой он покорял любых слушателей, к юношеской аудитории он шел с особым волнением. Немало размышлял о том, как важна именно поэзия для становления души, какими путями приобщать к ней детей. Любил цитировать в этой связи слова замечательного поэта Льва Лосева: «Хотя бы из педагогических соображений я бы хотел, чтоб подростки читали «Флейту-позвоночник», «Облако», «Люблю», «Про это». Из нашей цивилизации, предупреждал недавно умерший философ Алан Баюш, уходит то, что ее животворило: романтическая любовь. Эрос заменяется рутинным сексом. А вот младшему школьному возрасту Маяковского давать не стоит». Мысль о воспитании чувств через поэзию была Рутминскому особенно близка.

Поэзия была не просто его страстью, она, без преувеличения, составляла весь смысл его жизни. Он был ее рыцарем, ее певцом и, пожалуй, мучеником во славу ее. Потому что трагическая судьба Виктора Сергеевича Рутминского во многом была предопределена именно его преданностью истинной поэзии. И служение ей потребовало от него, человека внешне хрупкого, незащищенного и не приспособленного к жизни, огромного мужества и редкостной твердости духа.

«Заболел» он поэзией довольно рано. Вне литературы Виктор вообще себя не помнил. Ребенком он был одиноким, и книги заменяли ему друзей. Из большой библиотеки, принадлежавшей когда-то его дворянской семье, после всех исторических потрясений сохранилась лишь малая часть. В том числе шеститомник Пушкина, который Витя выучил наизусть. Для него это не составляло труда: запоминал текст, раз прочитав или однажды услышав. Любовь к польской литературе и начальные знания польского языка тоже достались ему из детства: мальчиком нашел на свалке собрания сочинений Ожешко, Сенкевича, других поляков-классиков, начал разбирать незнакомый язык и понемногу его выучил.

Годам к 14-ти, рассказывал он потом, у него «прорезались мозги». С тех пор в его литературных пристрастиях поэзия заняла главенствующее место. И когда начинающий поэт экстерном сдал экзамены сразу за два класса — а это при его блестящих способностях было элементарной задачей, сомнений, кем быть, не возникало. В 44-м году он стал студентом филологического факультета университета. В те годы в Свердловске собралось немало эвакуированных литераторов, среди них — ученик Брюсова поэт Юрий Верховский, Илья Садофьев, Мариэтта Шагинян, литературная жизнь была ключом, в Союзе писателей проводились «четверги», где выступали и знаменитые, и начинающие поэты, и Виктор в их числе.

Читая сегодня те его юношеские стихи, невозможно не удивляться. Молодой человек каким-то непостижимым образом ощущал себя свободным, когда все вокруг него было сковано несвободой. Как будто не ходил он в советскую школу, не изучал труды классиков марксизма и самого товарища Сталина. Как будто ему, при таком уме, остались неведомыми общепринятые правила идеологических игр. Он писал и говорил, что думал и что хотел, как дитя балуется с огнем, не понимая грозящей ему опасности. Замахнулся, к примеру, на одного из «неприкасаемых» литературных авторитетов — Константина Симонова, сочинив вызывающий ответ на его культовое стихотворение «Жди меня». Мало того, что с юношеской задиристостью высмеял того за лирическую «патоку». Были у него там и такие строки: «Только вряд ли, мой пиит, / Твой слащавый бред / Каплей меда подсластит / Деготь наших лет», — которые запросто могли быть квалифицированы как идеологическая диверсия. Очевидно, сам не понимая, что же он написал и чем это может обернуться, Рутминский еще и умудрился прочесть эти стихи одному из литературных генералов — Суркову.

В те кровавые годы, когда поэта могли уничтожить лишь за недостаточно большую степень социального оптимизма, удивительный студент пишет и дает читать всем желающим мрачные, апокалиптические строки:

Конец наступил бесконечной дороги,
И брошено все, чем дышали столетья,
Под Хроноса медные грубые ноги.
Стою и смотрю: дотлевают планета
Под сладенький запах гниющего мяса,
А небо, что было лазурного цвета,
Окрасилось пурпуром трубного гласа
Проиграны миром последние туры,
В ломбарды заложены ржавые души,
Налей-ка мне, братец, стакан политуры
Она понадежнее всей этой чуши.

Конечно, юноша Рутминский отнюдь не был диссидентом, каковых в те годы и быть-то не могло. Скорее, тогда его бунтарство было не столько политическим, сколько эстетическим. В нем, чей вкус был отшлифован настоящей поэзией, все протестовало против варварски антиэстетичных принципов партийной литературы. И только спустя годы, пройдя через лагерь, он осознанно заговорит на политические темы в своих стихах — например, в этих, написанных на смерть вождя:

Мне жаль, что он издох не на колу
И не до тридцать проклятого года,
И все ж я воздаю тебе хвалу,
Свой приговор свершившая природа!

Как бы то ни было, но при таких воззрениях студент Рутминский рано или поздно был обречен оказаться в объятиях НКВД. Недаром уральский классик Бажов, послушав его стихи, сказал: «Голова у тебя крепкая, Рутминский, но ты неносишь ее на плечах». В двадцать один год, в апреле 1947-го, Виктор был арестован по доносу приятеля, оказавшегося провокатором. «Пришили» ему отнюдь не стихи, а предположительную (!) принадлежность к антисоветской группировке неких Кулябина и Богатырева, о которых Виктор доселе и знать не знал. Приговор — шесть лет лагерей. Впрочем, Виктору повезло: он попал в лагерь в Березовском, недалеко от Свердловска. Работа была не самая тяжелая — плотницкая, а из дому каждую пятницу к нему приезжала тетка.

Потом только стало ясно, что на самом деле попал он в капкан. Березовский был филиалом секретного лагеря «Свердловск-44» в Верх-Нейвинске, где, по слухам, делали атомную бомбу, и туда рано или поздно отправляли всех заключенных. Виктор несколько раз «откупался» от этапа, но потом настал и его черед. Страшнее участи придумать было трудно. Отсюда по окончании срока не выходили на свободу, даже если ни к каким секретам причастны не были (Виктор, например, строил бараки).

Путь из лагеря был только один — на Колыму, считай, на погибель. Вот там-то Рутминский прошел все круги ада. Представим себе утонченного юношу-книжника в эпицентре беспредела, творимого блатными на бухте Ванина, плывущего в трюме корабля в бухту Находка, замерзающего в страшный мороз в нетопленном, до отказа набитом людьми бараке в Магадане... И это еще только начало испытаний. Впереди Голгофа — лагерь, где с прибытием его партии немедленно ужесточают режим. Местные «ветераны», имевшие куда большие сроки, недоумевали: что вы за страшные такие преступники? А они и сами не знали, что причиной всему — пребывание в секретном лагере.

И даже отработав свой срок в шахте, он не имеет шансов получить свободу. В выданном ему паспорте — отметка «Без права выезда с места поселения». Местом поселения был колымский прииск, где мотали срок уголовники. А Виктор трудился сначала нормировщиком, потом секретарем начальника прииска. О новом приказе, разрешавшем отбывшим на севере 3 года «верхнейвинцам» вернуться на материк, секретарь узнал лишь случайно: начальнику не хотелось лишаться толкового помощника.

Обратный путь на свободу изобиловал такими приключениями, что порой жизнь бывшего зэка висела на волоске. Например, когда за неимением других вариантов ночлега он нашел пристанище на лагпункте у освободившихся уголовников, а те вдруг затеяли смертное побоище. Чудом он добыл билет на пароход до Владивостока, еще 14 дней добирался до дома. Но что значили эти трудности, если он вновь был свободен!

И можно представить себе, что испытал этот человек, когда, вернувшись из ада, узнал, что и на свободе остается изгоем. С таким клеймом, как 39-я статья, он не имел права ни учиться в университете, ни даже жить в родном Свердловске. Все, что могла позволить ему советская Родина, — это устроиться за шкафом в комнатенке, которую его блатной лагерный знакомый снимал в городе Нижнем Тагиле. К тому же Родина разрешила врагу народа учиться на бухгалтерских курсах. И таким образом, сама подобная дотошному бухгалтеру, вычла из его жизни еще два года молодости плюс к уже отбытым шести.

Даже долгожданная реабилитация, наконец-то позволившая Виктору вернуться в Свердловск и закончить университет (он за полгода прошел два оставшихся курса), оказалась лицемерной. Ведь ни Система, ни Виктор — они оба не изменились и потому фатально не могли найти общего языка. Ни школа, ни вуз, где теоретически мог бы найти себе место дипломированный филолог, все равно не могли доверить ему такой важный участок идеологической работы, как обучение молодежи. Во всяком случае, чтобы заслужить это доверие, человеку с неблагонадежной репутацией надо было бы постараться.

Возможно, что не обязательно было даже прислуживаться и лицемерить — восхвалять, к примеру, какого-нибудь Кочетова или Маркова, анализировать и обсасывать мудрые партийные постановления о литературе и искусстве. Полагаю, можно было обойтись малой кровью, что и делали в те времена многие гуманитарии, имевшие основания считать себя порядочными. Не участвуя в партийных, пропагандистских игрищах, они от греха подальше бросали Молоху кость в виде парочки ленинских цитат и каких-нибудь ссылок на партийные документы в подстрочном примечании серьезной статьи на тему, далекую от современности. А о том, о чем говорить было нельзя, молчали — ведь не лезть же на амбразуру.

Но даже такой, вполне достойный, повторюсь, компромисс в случае Рутминского был невозможен. Его поразительная, какая-то детская искренность совершенно исключала способность приспособливаться к обстоятельствам. Его единственным прибежищем была настоящая литература, и изменить ей хоть в малом, чуть-чуть лукавя, он не мог — тогда ему просто нечем было бы дышать и незачем жить.

А значит, шансов трудоустроиться по специальности у него не было. И в течение 30 последующих лет его кормила другая — бухгалтерский учет, который он преподавал в учебном комбинате ЦСУ. Родина на своих счетах

вычла из его жизни еще три десятилетия. Справедливости ради надо сказать, что учащиеся-бухгалтеры его обожали: он был рожден блистать везде, куда бы ни занесла его судьба.

А дома, среди его любимых книг, кипела настоящая, потаенная и поразительно интенсивная работа. Еще в студенческие годы Рутминскому попала антология Ежова и Шамурина «Русская поэзия XX века» 1925 года издания со стихами поэтов, чьи имена к 40-м годам уже были под запретом. Впечатление они оставили сильнейшее, послужившее впоследствии толчком к его собственным разысканиям. Городская библиотека им. Белинского в 40-е годы обладала богатыми фондами, включавшими и книги запрещенных писателей и поэтов, не вычищенных, видимо, по недосмотру.

Библиотекари сами, наверное, не ведали, какую крамолу они выдавали читателю Рутминскому. Постепенно ему открывается целая поэтическая Атлантида, тогда казалось, навсегда затонувшая. А через свердловских и московских друзей (одним из них, кстати, был Наум Коржавин) до него доходят западные издания и самиздат: Ходасевич, Пастернак, Цветаева, Ахматова, Солженицын, Иванов, Адамович, Мандельштам. Их дают в руки на считанные дни, иногда и часы — а надо успеть не только прочесть, но по возможности и переписать. Если сложить вместе те часы, которые потрачены Рутминским и его женой Натальей Брониславовной Толочко на копирование — когда рукописное, когда машинописное — всех этих текстов (переплетенные, они в итоге занимают теперь не одну полку в семейной библиотеке), получатся не то что недели — месяцы.

Такая супруга — величайшее везение в судьбе Рутминского. Её он встретил в университете, уже после лагерей — она тоже училась на филфаке. На фото тех лет это прелестная девушка с удивительно серьезным — и строгим, и печальным взглядом. Как будто предчувствует, какие испытания выпадут ей на долю. Так и случилось. Быть достойной спутницей человека, столь мощно одаренного, как Виктор Сергеевич, под силу только незаурядной женщине. Но все было еще сложнее: лагерный опыт ломает любого, на всю жизнь оставляя в душе своих посланников страх, депрессию, отчаяние. А Рутминского удары судьбы преследовали еще не одно десятилетие! Если он сумел пережить их, то лишь потому, что рядом была эта мужественная, стойкая, преданная женщина, друг, единомышленница. Не бледная тень своего блестящего мужа — яркая, состоявшаяся личность: педагог Божьей милостью, учитель русского языка и литературы, автор новаторских методик преподавания. И редкий день в их дом не приходил кто-то из учеников Натальи Брониславовны, будь то маленькие или давно ставшие взрослыми.

60-70-е были для Рутминского важным этапом еще и потому, что в это время он активно занялся литературным переводом. Тут-то и пригодилось ему знание польского. Он переводит Юлиана Тувима, Адама Асынка, Леха Конопиньского (последний считал свои маленькие «фрашки» непереводаемыми на русский и потому был особенно поражен мастерством уральского переводчика). С блеском справляется он и со сложными, интеллектуальными стихами выдающегося польского классика Циприана Камиля Норвида, но переводы эти опубликованы были лишь спустя много лет.

Его вообще печатали крайне редко. Ведь у него не было никакого литературного статуса, который в советское время значил куда больше, чем талант. Вот весьма вольнодумный для тех лет журнал «Памир» оценил, опубликовав, в частности, перевод труднейшего произведения Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес». Издательство «Художественная литература» выпустило однотомник финского поэта Эйно Лейно, среди переводов которого немало выполненных Рутминским, а Политиздат — философскую книгу Хмелевского «Христианство и религии мира». Это были счастливые и, в общем-то, неожиданные исключения из правила. Как будто его приговорили к молчанию.

Уже в 90-е Виктор Сергеевич признавался, что ни малейших надежд на падение советского режима у него не было и перестройка оказалась полной неожиданностью. Когда ему предложили, например, прочитать публичную лекцию о Гумилеве, это представлялось чем-то невероятным. Не притянут ли? Но уже на другой день после этого разговора вышел в свет памятный многим номер «Огонька» с разворотом именно о Гумилеве. Интеллигенция тогда расценила это как сигнал: запрещенное — разрешено!

Для Рутминского это значило куда большее. Он сам был «запрещен» — и теперь получал вольную. Не в 53-м, когда его выпустили из лагеря, а лишь теперь он обретал свободу. Те духовные сокровища, которые он десятилетиями накапливал в тиши кабинета и библиотеки, вдруг оказались предметом первой необходимости для множества людей. Это вдохновляло его чрезвычайно. Выступая, он преобразался: глаза сияли, он весь буквально светился, мгновенно покоряя слушателей своим артистизмом. Вне этой жаждущей его слова аудитории он поникал, хандрил. Не раз с горечью говорил близким ему людям, что признание пришло слишком поздно. (Кстати, хотя Виктор Сергеевич много выступал и в вузах, в том числе в Уральском университете на факультетах искусствоведения, культурологии, повышения квалификации, но родному филфаку так и не хватило мужества его признать).

Однако при всем том он, не переставая, работал над рукописями. А их ждали: сначала книги о поэтах Серебряного века выпустила 13-я гимназия, потом в виде пяти прелестных миниатюрных томов издательство «СВ-96». Выхода других своих книг Рутминский дожидаться не успел.

Трагичная судьба. И все же Виктор Сергеевич был счастливей многих внешне благополучных людей. Можно сказать, что он был жертвой системы. А можно сказать, что он сделал свой выбор, оплатив его очень дорогой ценой. Не изменил себе. Не изменил великим стихам. Оставил яркий след в сердцах множества людей. Не завидная ли доля?

Он любил строки Ходасевича: «Простой душе невыносим / Дар тайнослышанья тяжелый. / Психея падает под ним». Этим даром он сам был наделен. И выдержал его тяжесть.

Галина Черменская, кандидат педагогических наук. Москва
* * *

Меня покорило в нем все: и умение слушать собеседника, и щедрое стремление поделиться своими безграничными знаниями, тщательно скрывая при этом свое очевидное превосходство, и его прелестное чувство юмора.

Во всем его облике, в манере поведения, в речах и взглядах проступало благородство той далекой поры, когда порядочность была важнее карьеры, а принципиальность — дороже богатства. Виктор Сергеевич являл собою пример той абсолютной преданности своему призванию, которая не позволяет человеку не только изменить своему предназначению, но даже пойти на самый незначительный компромисс. Именно поэтому он зарабатывал на пропитание далеким от литературы трудом, чтобы отношения его с Литературой оставались незамутненными никакими даже малейшими прагматическими намерениями и поступками. Он жил в ней, она была средой его существования, и именно она спасала его душу в самые трагичные годы его жизни.

Когда он говорил о поэзии, то казалось, что он говорит с нами оттуда, из того пространства, где витают великие тени, где только ему было доступно прямое и непосредственное общение с Волошиным и Цветаевой, с Гумилевым и Мандельштамом, с Пастернаком и Ахматовой. Мне он всегда казался совершенно особенным человеком, которому Великая Литература доверила говорить с нами от имени всех тех, кого мы никогда не видели, но чьи книги вошли в нашу жизнь как свидетельство того, что они были на земле, жили, страдали и любили.

Александр Познанский, Народный артист России. Нижний Новгород
* * *

Полностью реализовать, отдать свои знания и талант людям Виктор Сергеевич смог только на рубеже 80-х — 90-х г.г., когда произошли существенные изменения в общественном сознании. Из поэта-переводчика, лектора, педагога Рутминский превратился в крупного деятеля нашей отечественной культуры, получил заслуженное признание и любовь слушателей и читателей.

Дмитрий Малёнкин, заслуженный учитель РФ. Екатеринбург
* * *

Есть такая специальность — поэт-переводчик. Это человек, который нередко способен создавать лишь информацию, правда, современными поэтическими средствами, хотя нельзя утверждать, что у такого переводчика не бывает удач.

Но Виктор Рутминский к такой профессии «переводчика через дефис» отношения не имеет, ибо каждое переведенное им стихотворение — не информация о стихах, а сама Поэзия, созданная Поэтом-творцом.

Он был человек звездный, аристократ духа, наделенный высшим артистизмом, и дело вовсе не в дворянских корнях. Его внутренний аристократизм в полной мере сочетался с подлинным демократизмом. Это и есть эталон человеческих возможностей.

Давно звезды погасшей нет,
Но только лишь сейчас
В лазури странствующий свет
Дошел до наших глаз.

(Из стихотворения Михая Эминеску «Звезды» в переводе Виктора Рутминского)

Андрей Комлев, поэт. Екатеринбург

* * *

Странное ощущение — я не чувствую, что Рутминского нет... Очевидно, в нем было столько жизни, столько любопытства к этому миру и населяющим его, что это не исчезает с исчезновением плоти.

Иногда я вижу прошлое или будущее людей — не события, а то, какими они были или какими станут... В подростке иногда вдруг, словно наваждение, промелькнет старик, а в пожилом человеке вдруг проявится озорной мальчишка... Второй случай я бы отнес к Рутминскому: однажды увидел в нем остроумного, симпатичного, доброжелательного и ... уже мудрого молодого человека.

При сотворении мира счастье человека не планировалось... Кажется, это из Фрейда... Счастье, действительно, недостижимо... Но, говорят, что трудности жизни легче переносят люди интеллектуальные...

Умным, мудрым чужды гордыня, обида... Они знают про этот мир больше, чем их нормальные современники — просто хорошие люди... Часто думаю — как много он перенес и как все это вынес?

Когда-нибудь просто хорошие люди поймут и оценят явление Виктора Сергеевича в нашем времени, в нашей культуре... Очень хочу в это верить!

Я же никогда не забуду его задорный, оптимистичный, стремительный, с хрипотцой голосовой посыл, который звучит со старой радиозаписи так, будто его записали только вчера, и всегда буду благодарен Судьбе за встречу!

Сергей Гамов, Заслуженный артист России

* * *

Рутминский сам был поэтом и говорил о поэзии изнутри — свободно и точно. Он ощущал трепещущее информационное поле мира, слышал напряженное многоголосие. Подмятый колесом истории, прошедший школу молчания, умел сопереживать боли (поэтому среди его переводов — Выгодский) и от души хохотать над тем, что стоило смеха — отсюда любовь к польским фразкам. Норвид близок ему своей израненной изгнаннической душой и испытанной временем верой. Тувим — собрат по постижению ритма и слова.

Андрей Базилевский, поэт-переводчик, профессор. Москва.

* * *

Виктор Сергеевич Рутминский — это явление, осознавать значимость которого нам еще предстоит и предстоит; он — носитель того самого Слова, которое было в начале всех начал. Его творчество — путеводная нить, которая способна вывести нас в мир, где любят, страдают и вновь и вновь верят в Добро и Разум гениальные избранники капризных богов — вечно юные разрушители границ сознания и самой Вселенной, дерзкие враги косности и лицемерия — поэты...

Михаил Любарский, журналист, ведущий радиоканала «Утренняя волна» «РАДИО УРАЛА».